

Анастасия Вайолет

МЫ ВСЕ
МЕРТВЫ

Огненные легенды (Феникс)

Анастасия Вайолет

Мы все мертвы

«Феникс»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

Вайолет А.

Мы все мертвы / А. Вайолет — «Феникс», 2023 — (Огненные легенды (Феникс))

ISBN 978-5-222-42045-4

Джей просыпается одна в деревне, которую опустошила засуха. Здесь нет живых, но по улицам бродят существа, принявшие облик её родных и соседей. Она ничего не помнит, кроме того, что отец, уходя, просил его дожждаться. Но к ней возвращаются воспоминания, и девушка понимает, что в деревне произошло что-то страшное. Что-то, связанное с прошлым её семьи. Чтобы во всём разобраться, Джей столкнётся с запретным лесом, жуткими «феями» и собственными кошмарами.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

ISBN 978-5-222-42045-4

© Вайолет А., 2023
© Феникс, 2023

Содержание

Белая Земля	8
Роза	10
Лесные истории. Как фея стала человеком	17
Ромашка	21
Лесные истории. Древо Жизни	26
Мускат	27
Ягоды	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анастасия Вайолет

Мы все мертвы

Художественное оформление Анастасии Ивановой.

Внутренние иллюстрации VasilisaArt.

Автор – создательница телеграм-канала «Призраки Вайолет» @anastasiya_violet.

© Вайолет А., текст, 2023

© ООО «Феникс», оформление, 2024

© В оформлении книги использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

* * *

Серия «Огненные легенды»

Анастасия Вайолет

МЫ ВСЕ МЕРТВЫ

Ростов-на-Дону

2024

Хорошая, дающая силы перепридумывать свою жизнь история. Такое хочется читать почаще, чтобы вспоминать не только о том, что в любой тьме можно найти просвет, но и о том, что из любой тьмы можно найти выход. И иногда этот выход не самый очевидный – от того ещё более ценный.

Блогер *pinky.sassafras*

Книга, которую невозможно читать без мурашек по коже. История о поиске счастья, семьи и себя в океане проблем и одиночества. Каково это – жить на стыке миров и пытаться связать их воедино, зная, что от этого зависит твоя жизнь?

Книжный блогер *Сандра bookssandra*

Эта книга – письмо для тех, кто потерян и сбился с пути, кто не чувствует свою пользу и предназначение в этом сложном мире.

История Джей – свет для всех, кто оказался в темноте.

Вы важны. Ваши искры важны.

Не давайте им угаснуть.

Белая Земля

Проблемы. Джей ненавидела истории, которые начинались с проблем.

Её история начиналась с уничтожения всего, что она любила.

Пустая деревня, сожжённая засухой. Обжигающие лучи солнца, капли пота на лбу и на спине, сухие болящие глаза.

Не такое она любила, когда читала книги своей сестры. Там истории начинались с приключений, большого взрослого мира, который главным героям только предстоит узнать. Но вот её взрослый мир: пустой дом, пустая деревня и почти полное отсутствие памяти. Она не знала, почему единственная осталась в доме. Не знала, куда ушли её родные, и не помнила, когда и почему началась засуха.

И такого Джей от своей жизни не ожидала.

Она стояла у окна, сжимая в руках огромную лопату. За окном простиралась её родная, уничтоженная засухой деревня – и солнце, такое невыносимо яркое, что хотелось зажмуриться и никогда больше не открывать глаза.

Голову пронзило воспоминанием.

– Джей, доченька, я вернусь за тобой. Но для этого тебе надо быть сильной. Подождать меня. Весь этот кошмар обязательно закончится.

Джей вздрогнула при воспоминании об отце. Оно пахло мятой и мелиссой, сияло каплями воды на бороде. Болело так горько, что пришлось срочно на что-то отвлечься.

Вооружившись длинной лопатой, она пошла прочь из комнаты. Преодолела небольшой коридор, весь залитый солнцем, спустилась по лестнице. Открыла тяжёлую входную дверь – тут же зазвенел противный колокольчик, один-единственный звук во всей Белой Земле, – и вышла наружу.

Снаружи была засуха.

Жестокая, беспощадная. Её платье, белое с красными цветочками, пыльное и замазанное грязью, мгновенно пропиталось потом. Солнце сверлило голову и глаза, и Джей зажмурилась, глубоко вздохнув от боли.

Никто не услышал. Все уехали, сбежала её сестра, а Джей была единственной, кто остался. Уход сестры был последним, что она помнила.

Её история начиналась со страданий и боли.

Она решила открыть глаза и осмотрелась. Дом был почти на отшибе: слева открывалась тропинка в сердце деревни, а справа простиралось огромное поле некогда белых цветов. Теперь это была выжженная солнцем пустыня, которая вела к лесу. Лес поредел и обронил множество своих листьев, но стоял. Стоял и смотрел, как умирает её деревня. А он жил, пускай и хуже, и будет жить ещё годами, и дождётся конца этой ужасной беды.

– Я понимаю, как тебе тяжело. – В глазах у отца стояли слёзы, голос его дрожал, но он держался, протягивая к Джей руки. – Мы обязательно победим этот ужас.

Она начала осторожно ступать в сторону домов – спиной к лесу, – постоянно выглядывая гостей. Так она называла жутких существ, которые пришли в деревню и разрушили всё. Преследовали Джей, наблюдали за ней своими страшными красными глазами и бродили, бесконечно бродили по уже мёртвой земле, никак не оставляя её в покое.

Она прошла первые дома соседей, свернула на длинную тропинку к остальной деревне. И уже направлялась к площади, которая когда-то была рынком – теперь же там оставались поломанные и покосившиеся прилавки, сметённые ветром вывески и оброненные при переездах вещи, – как заметила движение за одним из домов.

Совсем рядом промелькнула тень.

И ещё одна.

И ещё.

Тени танцевали вокруг неё, и она не успевала понять, что это – настоящие люди или плод её воображения.

Джей застыла, крепко держась за основание лопаты, от ужаса не в силах сдвинуться с места – как рядом «пролетели» красные глаза.

Тень.

Короткий смех.

Она задержала дыхание, до боли впиваясь пальцами в лопату.

– Я убью вас! Убью вас всех! – закричала она гостям, которые то проходили мимо неё, то исчезали в тенях домов.

Тени, так много теней.

– Выходите!

Они замедлились, и теперь Джей успевала выхватить знакомые силуэты – фигуры её соседей, друзей, всех, кого она знала в деревне. Одни пробежали по улице, скрываясь за домами, а другие останавливались и молча смотрели на неё.

Из всего ужаса она выхватила маленькую фигурку ребёнка, стоявшего у красной калитки совсем рядом с ней. У него были красные глаза. Он улыбался ей чёрным ртом.

У Джей не было сил смотреть на всех этих знакомых детей, на всех, кто на самом деле давно уехал из Белой Земли, – и делать вид, что всё в порядке. Что её мир не разрушен. Она даже не помнила, что произошло и почему сюда пришли гости.

И ей так всё осточертело за одно это утро, так надоела эта сухая, безжалостная жара, и солнце так резко и больно палило в затылок, что она с криком побежала на ребёнка с лопатой наперевес, с одним-единственным желанием: чтобы гость испугался и исчез и ей не пришлось ни терпеть его рядом, ни убивать.

Но она не успела даже достичь калитки.

Лёгкие взорвались жарким огнём, во рту застрял жидкий вязкий ком, а тело сковало тяжёлой слабостью – и всё вместе заставило её рухнуть на землю, едва успев подставить руки.

Ладони тут же обожгло болью.

Джей закричала. Жара не давала ей бегать, не давала защищаться.

И теперь, лёжа на земле и надсадно выкашливая пыль из лёгких, она вспоминала.

Она могла и хотела сбежать. Хотела вытащить себя из Белой Земли, которая становилась чёрной. Но всякий раз, когда она задумывалась о побеге, внутри неё просыпались черви. Так она их называла. Длинные и липкие черви, которые обвивали её ноги, сердце, горло.

Она останавливалась под напором этих червей, закрывала глаза и как будто слышала твёрдый, уверенный голос: «Нет, ты должна защищать. И ждать отца. Он вернётся, и кошмар закончится».

– Я должна защищать, – на выдохе повторяла Джей, и всё вновь оживало, вновь становилось правильным. Она осталась в деревне, чтобы защищать.

Джей села, опираясь ладонями о сухую каменную землю. Вспомнила короткий образ: отец отводит её за руку в свою мастерскую, приговаривая, что всё будет хорошо, обязательно будет хорошо, но надо немного подождать и быть сильной. Его голос дрожит, он обнимает Джей нежно, но крепко, и она верит ему, верит каждому слову.

Защищать.

И ждать, пока всё не вернётся.

Роза

За три года до

Белое поле.

Лес за ним смотрел на Джей своими чёрными глазами. Огромная тень нависала над деревней – тоскливая, тихая, мрачная. Высокие кроны деревьев необъяснимо манили, звали к себе. И Джей не могла от них оторваться, с замиранием сердца наблюдая из окна, как они движутся под напором ветра.

Её окружали шкафы, стол, кровать. Мягкий ковёр и бежевые стены. Коробочки отца, разбросанные по полу, и одеяло, и полотенца, и травы для настоек.

Её жизнь была простой: поднимать себя с кровати каждое утро, заниматься с отцом целительством, получать от него нагоняи и разочарованные вздохи, затем убегать в свою комнату и мечтать, мечтать целыми днями. В перерывах бегать по дому, принося отцу ингредиенты для работы, спотыкаться на высоких лестницах, и самое интересное – стоять у белого поля и долго, до боли вглядываться в лес.

Простая и смертельно надоевшая ей жизнь.

А ведь она могла бы просто родиться в лесу. И никто бы не заставил её собирать дурацкие травы и прыгать от сколопендр!

– Джей, а ну иди ко мне. Быстро!

Хрипловатый голос бабушки никогда не предвещал ничего хорошего. Устало вздохнув, Джей сделала над собой усилие, оторвалась от окна и вышла в коридор. Бабушка стояла у лестницы: у неё подрагивали руки, она опиралась на широкую чёрную трость, но не позволяла себе сутулиться или злиться.

«Твоя бабушка подарила нам настоящее, совершенное целительство, – повторял отец после каждой их ссоры. – Она права, даже если это не так. Всегда права. Мы обязаны ей всем, что у нас есть».

Страх перед бабушкой Джей внушили быстрее, чем страх перед родительским наказанием или ожогом от огонь-травы. Вернее... пытались внушить.

Бабушка повернулась, поправив испещрённой шрамами рукой свои седые волосы. Иногда в такие моменты рукав опускался чуть больше, чем следовало, и Джей выхватывала взглядом пупырчатую кожу и белые перевязки с красными пятнами.

«Бабушка болеет. И тщательно это скрывает. Поэтому и ты, Джей, тоже не должна подавать вида», – сказал однажды отец, поглаживая её по голове дрожащими руками.

Болезнь бабушки свела её образ с небес на землю – и теперь Джей видела перед собой обычную уставшую женщину, которая просто пыталась сохранить свою силу. Хотя бы перед своими же родственниками.

– Сколько раз тебе говорю, займись уже чем-нибудь полезным. Небось, снова паялилась на лес, да? Вот зачарует он тебя, пойдёшь туда и там сгниёшь. Говорю, да всё как о стенку горохом!

Джей чувствовала, что бабушка внимательно её осматривает, но сама не решалась поднять голову.

– Или мне начать рассказывать всё твоему отцу?

На последнем слове Джей вздрогнула и наконец-то посмотрела на неё.

– Не надо. Я поняла.

– Я очень сильно сомневаюсь. – Бабушка отвела взгляд, глубоко вздохнув и посмотрев вниз на лестницу. – Ещё хоть один раз увижу – расскажу.

Тишина.

– Знаешь, Джей, – пробормотала бабушка, поправляя себе причёску. Свои седые волосы она заплетала в тугий пучок, из которого выпадали кучерявые волоски. – Сперва я думала, что твоё неуёмное воображение послужит тебе в помощь. Но сейчас я понимаю, что я себя обманывала... Лучше бы помогла отцу сделать настойку розы. Дантоны целый набор заказали.

Джей что-то пробормотала в ответ и убежала к себе в комнату мимо отцовской мастерской. Из-за чёрной двери доносились яркие запахи полевых трав, земли и розы. Папа-то, конечно, хоть каждый день мог бы ходить в лес: взрослых не ограничивал никто, и даже Лину, которая была старше Джей всего на три года. Но её родные не стремились туда попасть.

Папа наверняка хотел бы, чтоб Джей пошла заниматься отварами. Специально для неё он готовил «совершенно потрясающие» наборы цветов и ягод – они лежали в одном из его бесконечных ящиков, терпеливо её дожидаясь. Это были плоды Белой Земли, самые простые, из которых можно было приготовить всё на свете.

Он оставлял для Джей эти наборы каждую неделю, если она занималась, и каждый месяц, если она не притрагивалась к наборам и обновлять было нечего.

Но настроение было совершенно не то. Хотелось бегать и путешествовать. Бабушка постоянно твердила, что в семье должен быть мир и покой и что все в ней должны следовать одной общей задаче. В их случае – земля и целительство. Земля давала им плоды, силы, красóты, каких больше не существовало, – зачем же искать что-то ещё?

Всё должно было быть спокойно. Дети должны жить по тем правилам, что для них заготовила семья.

Джей пыталась спорить с бабушкой, но быстро оставила эту затею.

Она подбежала к окну и грустно посмотрела на решётки – папе пришлось их поставить, потому что она вечно высовывалась за его пределы, глотая свежий ветер и разглядывая лесные очертания.

Можно было и правда помочь отцу с настойкой розы. Они всегда делали с розой что-то такое, что запах стоял на всю деревню. Смутный образ их с отцом, помогающих создать новый шедевр местной готовки, заставил Джей оторваться от окна и протянул ей путь до мастерской. Спуститься на этаж ниже, выслушать от отца поток восхищённых рассказов о работе – и приступить к делу. Интересно. Вот и занятие на вечер.

* * *

...Половину мастерской отца занимал огромный деревянный стол. На нём всегда царил хаос: пучки засушенных трав и свежих цветов, бутылочки с водой, пустые и заполненные колбы, листы бумаги, не всегда целые и не всегда с разборчивыми надписями... Но стоило Джей приблизиться к этому стеклянно-розово-бело-малиновому беспорядку, как отец легонько бил её по рукам, приказывая ничего не трогать. Для него порядок был идеальным.

Стены, пол, потолок – всё в оттенках светлого дерева. У левой стены стоял огромный тёмный шкаф, в который ей запрещалось заглядывать. В столе – огромное количество всяких ящиков, половина которых всегда была заперта. На стенах – полки с книгами, цветочными горшками, нитями, на которые были подвешены засушенные травы и листья.

Мастерская отца была образцовой.

– А что ты делаешь? – спросила Джей только потому, что ей хотелось что-то спросить.

Отец вздохнул, не поднимая взгляд. Он погладил бороду, покрытую капельками воды и пота.

– Придумываю новый рецепт.

Сколько Джей помнила, он постоянно учился и создавал что-то новое. Ночами из его мастерской пробивался свет, и иногда она просто садилась рядом на лестнице и слушала, как отец пыхтит, бормочет себе под нос, напевает песни своей юности.

– Можно я посижу рядом?

Он кивнул. И только потом Джей вспомнила, что отец любил работать в одиночку.

Его хватило ровно на минуту: он повозился с травами, а потом вздохнул, отложил всё и повернулся к ней.

– А хочешь, расскажу тебе одну совершенно интересную сказку?

Джей почувствовала, как приятное тепло разлилось по всему её телу. Отец оставил дела, чтобы рассказать ей сказку, – и хотя она уже считала себя слишком взрослой для этого, но ни за что бы не отказалась.

Чем больше его голоса, глаз, рук в её жизни – тем лучше. Чем больше семьи – тем радостнее жизнь.

– Ну попробуй меня заинтересовать!

Отец усмехнулся. Джей уже предвкушала его рассказ: он всегда говорил медленно, красиво, думал, прежде чем что-то сказать. И когда принимался рассказывать сказки, они с Линой могли слушать его бесконечно.

Его голос даже успокаивал. Иногда лучше, чем ромашковый чай.

– Ну ты бросаешь мне вызов. – Отец тепло улыбнулся и подмигнул. – Тебе кто-нибудь рассказывал историю про деревья и лесных фей?

– Нет, не было такого. Хотя про фей я знаю. Но не про деревья.

Если отец расскажет ей что-то действительно интересное о феях, она даже разберёт его новый набор трав. И сделает из них лучшую настойку в мире. Лечебную. Против кашля, который почему-то начал одолевать всех детей в деревне.

– Тогда слушай.

Отец отклонился от стола, заглянув в окно. Уже наступала темнота. Солнце садилось за горизонт, и Джей, притянутая ярким красным полукругом, тоже зачарованно посмотрела в окно.

– Начнём с истоков. Сначала появилась земля, потом появились мы. Земля давала плоды, лекарства и пищу – она давала жизнь. За всё, что у нас есть, мы благодарим её, и защищаем, и процветаем рядом с ней... Но не всегда всё было так спокойно. Однажды земля разделилась на край, полный деревьев, и край, полный трав и ягод. Равнины переходили в леса – это то, что ты можешь видеть из окна своей комнаты. Наша земля заканчивается там, где начинается густая сеть деревьев, – и там уже вступают в свои права совсем другие существа и законы. То, чего нам никогда не понять, и это одна из причин, по которым я всегда прошу тебя не лезть одной в лес. Так вот, пустые земли населяют люди, а в леса...

– Феи! В леса пришли феи!

Отец улыбнулся и уже начал было говорить дальше, но тут Джей резко его оборвала:

– Стой. Но ты же и сам не хочешь ходить со мной в лес. Получается, и одну не пускаешь, и со мной не идёшь. И что мне тогда делать?

– Милая, не начинай...

– Ну пап!

В глубине души она понимала, почему ей не разрешали идти в лес. Знала, чувствовала, что всё с ним не так просто, и сама, глядя по вечерам на деревья из окна своей комнаты, беспокойно думала о его тайнах и возможных обитателях. Но со своим интересом ничего поделать не могла.

– Джей, хватит. Если хочешь, я могу больше рассказывать тебе про лес. Сказки и истории, которые я сам слышал и видел. Но ходить туда не надо. Ты и сама поймёшь почему и потеряешь интерес.

На это она ничего не сказала. Лишь скрестила руки на груди и упорно смотрела в окно. Только не на отца. Только не давать ему понять, будто она смирилась и будет с готовностью его слушаться. Да конечно!

– Хочешь продолжение истории?

– Угу.

– Тогда посмотри на меня. В глаза.

С громким вздохом Джей перевела на него взгляд. Отец издевательски улыбался.

– Ну вот видишь. Всё хорошо. Я же не враг тебе, верно?

– Угу.

– Так вот, феи. Они появились из леса и стали его хранителями. Это маленький народец с крыльями и неуёмной энергией – ты и сама знаешь, что они без конца летают, кружатся, танцуют и прячутся в кронах деревьев. Но при этом феи внимательные и заботливые и знают каждого обитателя, каждую травинку в лесу. И без конца летают. У них столько сил и рвения жить... Феи так похожи на тебя, Джей.

От одних этих слов она почувствовала, как обида на отца разлетается по воздуху, превращаясь в пыльцу, а затем и вовсе растворяется в вечернем свете. Она еле сдержала улыбку.

– Но однажды кое-что случилось...

Тут отец выдержал паузу, внимательно смотря на Джей. Та сидела и ждала, не возмущаясь, и вообще, кажется, забыла, как нужно дышать.

– Однажды деревья повздорили с феями, и началась вражда. Ничего серьёзного – но они позавидовали друг другу и начали сетовать на свою судьбу, пытаясь украсть силы противника. Некогда друзья и самые верные товарищи... их души заполнила тьма. Деревьям не нравилось, что они стоят веками без движения и растят свои корни в истоки земли, и зачем?.. А феи, они ведь совершенно свободны. Летают себе и делают всё, что им захочется. И, наблюдая за бесконечным движением фей туда-сюда, деревья покрылись коркой зависти. Так начался спор фей и деревьев – кому из них живётся лучше? Они попытались поменяться судьбами: феи засели на одном месте, почти не двигаясь и пытаясь отрастить в землю несуществующие корни. А деревья стремились ввысь – и у них получилось! Они росли и росли, множась на тысячи мелких веток, и корни их пошли не вглубь, авширь, и самые высокие их ветки собирались достать до облаков... Но ничто не случается просто так, и роль каждого из них была предопределена самой землёй. Феи сделались тихими и несчастными и вдруг поняли: деревья дают жизнь плодам, а что делают они? Спокойная их жизнь обернулась унылым существованием. В лесу начался беспорядок. Первый же ветреный день погнул ветки деревьев, и самые высокие, самые смелые ветки безжизненно упали на землю... Налетел такой ветер, какого прежде не видел лес. И феи, заметив, как гнутся деревья от свистящих порывов, забыли про спор и побежали помогать. Так едва не погиб лес. И только когда ветер успокоился, а деревья увидели, сколько их собратьев пало в те дни, только тогда пришла старая жизнь. Жизнь, в которой феи без усталости летают и смеются, а деревья терпеливо стоят, принимая уготованную им судьбу. Они поняли, что у свободы фей есть своя цена: феи никогда не поймут их уверенности и спокойствия. У них всё предрешиено, а феи ежедневно сражаются с тысячей трудностей сразу. И так спор разрешился, а лес вновь зажил спокойно и счастливо.

Отец закончил, мечтательно улыбаясь. Джей редко видела на его лице такое выражение – по крайней мере, с начала болезни мамы.

– Так это правда было? – Она тут же решила для себя, что, даже если отец скажет, что это придумал, она всё равно будет верить.

– Я слышал эту историю от твоей бабушки. Думаю, что всё так и было. – Он издал тихий смешок, возвращаясь к своему занятию с травами. – Феи с деревьями правда не смогли бы существовать спокойно. Они бы обязательно поссорились.

– Почему ты так думаешь? Мне вот кажется...

– Опять эта твоя манера – спешить, спешить, спешить, – пробормотал отец, и голос его был таким тихим и рассеянным. Он, наверное, уже потерялся в мире шалфея и розы. – Те, кто рождён в покое и предопределённости, всегда будут завидовать свободе. А свободные, в свою очередь, всегда будут вздыхать, видя, как кто-то живёт спокойно и безо всяких тревог.

– Думаешь, это... нормально? Завидовать чьей-то судьбе?

Отец молчал минуту. Перебирал пальцами травы, откладывал подходящие в левую сторону. Уже образовалась маленькая горка, и Джей видела, как эти травы постепенно спускаются по этажам, выходят через дверь и устремляются прямо в дом Дантонов, чтобы превратиться там в выпечку, которая будет сниться ей всю следующую неделю.

– Знаешь, все всегда хотят чего-то, чего иметь не могут.

– Но разве мы не можем захотеть что-то иметь – и это получить? Ну... неужели мы не можем хотеть чего-то большего?

У Джей формировалась какая-то другая мысль, более глубокая, – но она никак не могла её ухватить и закончить. Вместо этого она развела руками и растерянно улыбнулась отцу, надеясь, что тот её поймёт.

И он понял.

– Иногда можем. В мелочах. Но судьбу не изменишь, даже если будешь очень этого хотеть и стараться. Не торопись почём зря, не пытайся перевернуть с ног на голову уклад своей семьи.

Смысл этих слов не до конца доходил до Джей: отец опять впадал в то состояние, когда, целиком уходя в работу, бросался странными предложениями, чересчур сложными для юной девочки. Она закатила глаза – но осторожно, так, чтобы он случайно не заметил, – и глубоко вздохнула. Только этим вздохом и могла выразить своё недовольство. Впрочем, и это бы не помогло: отец её уже не замечал.

Она иногда смотрела на него и гадала: неужели ему действительно настолько нравилось часами сидеть на одном месте и разглядывать травы? Неужели это вообще кому-то приносит такое удовольствие, чтобы делать из этого смысл своей жизни? Нет, конечно, Джей тоже нравились плоды и травы, нравилось превращать их в нечто красивое и полезное – но не с таким же упорством. Не так же долго, в конце концов.

– Пап, мне скучно, – сказала она шёпотом, не особо рассчитывая на ответ.

Но отец услышал и поднял голову.

– Я знаю, доченька. Но что я могу...

– Ты никогда не думал, что есть деревья, которые не должны были родиться деревьями? – перебила его Джейн, чего прежде редко себе позволяла. Да и сейчас она даже не заметила, что перебила отца. Просто задумалась. – Ну, если дереву правда хотелось жить как феи, и даже этот спор и ветреные дни его не переубедили. Если дерево... ну... должно было родиться феей. Стать ей. Может быть, что-то произошло, и душа феи переместилась в дерево. Не знаю, что-то такое. Ты об этом не думал?

Только остановившись, Джей поняла, что всё это время не дышала.

– Милая, тебя куда-то не туда занесло. – Отец даже перестал заниматься травами и серьёзно посмотрел на неё. Смотрел и смотрел, не отводя взгляд. – Ты родом из чудесной семьи Крейнов. Мы исцеляли и оберегали Белую Землю, сколько себя помним. У тебя в крови течёт не просто наша кровь, но ещё и наши знания, добываемые годами и десятилетиями, и традиции, и любовь к плодам, которые дарит нам земля. Да, сидеть часами над травами – это не по тебе. Но я больше склоняюсь к тому, что это временно, пока ты ещё ребёнок. В любом случае это же не значит, что ты должна отказаться от семьи и превратиться в фею, верно? –

Смешок, и его лицо снова пропадает в шалфее и розе. – У каждого своё место. Твоё – в этой семье. Считай, что мы – феи от мира людей. Мы же оберегаем и защищаем жителей деревни. Лечим, создаём здесь уют, обеспечиваем всех отварами. Какая разница, что мы люди, если выполняем те же задачи, что и феи в лесу? Как тебе такой взгляд на мир?

Этот взгляд ей нравился. Джей заёрзала на стуле. Было и неловко, и стыдно, и радостно одновременно: она снова выдала какую-то глупость и наверняка этим разочаровала отца. А вот отец, в свою очередь, оказался куда умнее. Хотя он и должен быть умнее, правда?

Ох. Опять в голове тысяча вопросов.

– Но всё-таки, – упрямо продолжила она, желая, чтобы последнее слово осталось не за отцом. – Что, если где-то существует дерево, которое должно было стать феей? Что оно чувствует, зная, что никогда не сможет быть тем, кем себя ощущает? Это... Это же так страшно.

– Джей, ни одно дерево никогда так себя не чувствовало.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Дерево может завидовать феям, но в конце концов оно понимает, что находится именно там, где должно. И делает по жизни то, что нужно.

– Кто это определяет? Откуда все знают, чем мы должны заниматься? И неужели в лесу нет ни одной феи, которая хотела бы просто сидеть и расти в земле свои корни?

Отец вздохнул, сжал кулаки. Оторвался от трав: слева от него лежала большущая, невероятно пахнущая горка. Джей съёжилась, понимая, что вот именно теперь, именно в эту минуту, терпение отца начало иссякать. Что отец не любил больше всего – так это бесконечные вопросы. Ну, и беспорядок.

– Потому что у феи нет корней. Она не может растить их в земле. Поэтому фея, которая спокойно сидит и ничего не делает, никому в лесу не нужна.

Джей помолчала, понимая, что не стоило больше ничего говорить. Отец подождал полминуты и снова вернулся к своему занятию: ей бы и в голову не пришло его ещё раз отвлекать. Она вздохнула, встала и пошла к двери – и лишь пробормотала на выходе:

– А мне бы хотелось, чтобы было какое-нибудь изобретение, которое помогало бы феям отращивать корни. А деревьям – бегать и летать, сколько им вздумается.

На это отец ответил ей коротким вздохом – он больше не слушал, целиком погрузившись в свои травы. Джей не оставалось ничего, кроме как выйти, плотно закрыв за собой дверь, и подняться в темноту и ночную прохладу своей комнаты.

И всё-таки ей казалось, что когда-нибудь всё изменится. Она не могла разобраться в своих ощущениях, но чувствовала слишком много, чтобы просто принять ответ отца.

Её ждало что-то большое. Больше, чем сидеть в мастерской и копаться в травах.

Больше, чем жизнь её отца.

Лесные истории. Как фея стала человеком

У леса есть жизнь, и имя этой жизни – деревья и зелень.

У жизни есть своя защита, и имя этой защите – феи.

Феи укрывают лес густым полотном, через которое не проползёт ни дух, ни человек.

И имя этому полотну – морок.

Густой и тягучий морок пробирается в самое сознание человека и путает его взгляд. Взгляд начинает цепляться за те места, где прежде была пустота, а теперь, в его понимании, дорога. И дороги переплетаются друг с другом, как мох, который растёт вдоль и над деревьями.

Феи никогда этому не учились – они родились с мороком в душе. Их перепончатые крылья, давно поросшие мхом и окутанные густой слизью, начинают слегка дрожать, чувствуя человека.

Одна из них родилась и живёт на границе леса. У неё нет имени, но ни у одной феи его нет: они – одна общая защита, одна судьба, одна задача.

Жизнь феи протекала медленно и спокойно – подобно туману, загородившему вдалеке чужую землю. Что это была за земля, фея не знала; но там жили чужаки, на которых она направляла свой бесцветный морок. Фея питалась тем, что давали ей деревья, гладила их и иногда, собравшись с силами, тягуче пропевала им песню – любую, какую они хотели.

Деревья всегда просили что-то про полёт, но не знали, что феи давно разучились летать.

Голос у неё был хриплый и тяжёлый, она едва проговаривала слова – получались обрывки слов и обрывки песен.

Фея смотрела глубоко в белую мглу. Никого в ней не было.

Но что-то было в воздухе.

Она набрала побольше воздуха в липкие ноздри и ощутила кожей, как он стал тяжёлым и влажным. Ей стало тяжело дышать, и фея схватилась за своё тело, сжав его руками.

Этот воздух был невыносим.

Она шипела на вдохе и выдохе, раскачиваясь из стороны в сторону.

Густой воздух побелел, как земли вдалеке, и в одном месте сгустился особенно сильно: фея не видела, а чувствовала, как что-то собралось, накопилось в нём, превратившись в вязкую массу.

И эта вязкая масса воздуха заговорила на незнакомом ей языке – сперва раскачивалась, сопела, будто пыталась спеть песню для деревьев, а затем вдруг произнесла речь на её родном языке, на языке фей.

– Я могу показать тебе земли твоих врагов, – певуче протянул воздух и закашлялся.

Фея попыталась его ударить, выпрямив свою необычайно сильную руку, но рука повисла в воздухе, обездвиженная на мгновение.

Тогда фея глубоко выдохнула, понимая, что чужаки из-за леса такое сотворить не могли.

– Кто ты? – прошептала она.

– Кхе-кхе-кхе... Я... Я тот, кто может усилить тебя. Ты увидишь, как живут и чем дышат твои враги. Разве... Разве тебе не надоело сидеть на одном месте?

Фея – хранитель границ – не могла согласиться. Даже если бы хотела.

Но что-то внутри неё зашевелилось и оживилось – и протянуло к воздуху вторую руку в попытке его потрогать, получше ощутить.

Это была неприятная влажная масса, от которой рука её намокла.

– Я знаю, ты этого хочешь.

Фея не хотела. Фея вообще ничего никогда не хотела: не было у неё такой возможности. Деревья – те-то обладали своими желаниями и совсем не стеснялись о них говорить. Но её

задача – охранять, и род её давно утратил связные мысли и желания. Она больше ощущала, чем видела. Больше чувствовала, чем думала.

И густая масса рядом заставляла её чувствовать дрожь и смутное побуждение пересечь границу.

– Я сочту это за согласие, – проговорил воздух, и неожиданно масса оказалась прямо внутри неё, и у феи расправились крылья, и она вдруг полетела далеко вперёд, через дымку и туман, сквозь белую густоту и морок в её собственной голове.

...Проснулась фея на полу. Первым, что она увидела (увидела, а не почувствовала), был яркий источник света, такой яркий, что ей пришлось тут же закрыть глаза.

Источник был как солнце, только не тёплый. Неприятный.

Это у чужаков вместо солнца?

Фея чувствовала свои руки и ноги, но не ощущала крыльев. Нехотя открыв глаза, она с интересом осмотрела своё тело. Она была чистой и худой, и ничто в ней не напоминало лес.

– Кто же я тогда? – просипела она, вдруг осознав, что говорила на совершенно другом языке.

В голове – одно, а изо рта вылетало что-то незнакомое.

И мысли – мысли!.. Это были чувства, облачённые в язык чужаков.

Фея встала, глубоко погружаясь в каждое новое ощущение своего тела.

Сделала один шаг.

Второй.

И наткнулась на густую массу воздуха, которую не заметила за новыми впечатлениями.

Масса обняла её и прошептала на ухо: «Сегодня ты – человек. Просто человек».

Фея не умела удивляться. Не знала, как выразить своё желание вернуться в лес. Не знала, как обозначить своё старое и новое тело. Поэтому промолчала и отпустила воздух, который вновь стал лёгким и приятным, и пахло от него чем-то совсем не лесным.

Откуда-то сверху раздавались голоса чужаков. Человеков. Фея попыталась произнести это слово, но заболело горло и запутался язык – она беспомощно подвигала ртом, но, устав, лишь махнула рукой и сосредоточилась на том, что было сверху.

Стоило ли идти к людям? К тем, от кого она защищала лес?

Фея вздохнула (это она умела делать ещё до превращения) и начала думать, как выбраться отсюда.

У людей же должен быть другой мир: она, наверное, попала в дом одного из них, но может выйти и увидеть, какие у людей день и солнце.

Она наткнулась на стену. У стены был предмет. Маленький и круглый, и фея обхватила его, пытаясь притянуть к себе и оттолкнуть от себя. Ничего не получалось.

Она тянула и тянула.

Прежде ей доводилось подолгу сидеть, подолгу слушать, подолгу срывать плохие растения возле деревьев. Она решила, что и здесь нужно просто делать и делать, пока что-то не случится.

Но стена не поддавалась.

За этой стеной – она слышала и чувствовала – был выход в другой мир.

Наконец она попробовала повернуть предмет влево – и стена поддалась, притянулась и вывела фею в мир горячего воздуха, лёгкого ветра и солнца, такого яркого, какого никогда не было в лесу.

Множество маленьких чужаков бегало по земле, издавая странные громкие звуки.

Большие чужаки сидели рядом, или ходили, или разговаривали, и всё это было так бес-порядочно и громко, что фея чуть не зашла обратно в дом, где проснулась.

Но стоило ей попривыкнуть и расслабиться, как она кое-что поняла (да, у людей это удивительная способность!).

Человеки бегали и прыгали, куда-то шли, и в лицах их было что-то такое – этого фея точно не смогла бы объяснить, – отчего у неё сформировались совсем новые ощущения. Эти ощущения в груди, которые будто разрывали её тело, но делали это не больно, а легко и хорошо. Как будто вот-вот, и она отрастит заново свои крылья и взлетит, и поднимется над всеми ними, и широко-широко раскроет рот, как маленькие чужаки.

Да, ей было хорошо.

Такого в лесу ещё не было.

Вдруг маленький чужак подбежал к ней, схватился пальцами за ногу и руку и начал что-то верещать на их языке – и взрослые чужаки снова широко раскрыли рот, и маленький чужак говорил всё настойчивее, а потом и вовсе обнял её.

Воздух обнимал неприятно и скользко, проникая внутрь, заставляя следовать его воле. А прикосновения маленького чужака ощущались иначе – гораздо добрее. Обняв, он снова схватился за неё и усиленно повёл куда-то – а фея не знала, что делать и что ему сказать.

Она не знала, что ему нужно, но эти его движения, и рот, и объятие пробудили в ней ещё одну гору новых ощущений. Их было столько, что она окончательно запуталась.

Фея пошла за ним, чувствуя обновлённой кожей, как палит на неё солнце, – и это тоже было мягко и приятно.

И у неё был выбор.

Она могла идти за маленьким чужаком. Могла не идти. Могла не выходить из дома и слушать чужаков, говоривших наверху. Могла выйти и пойти в другую сторону.

Выбор настиг её с самого первого момента, когда она открыла глаза. У людей было столько выбора! А у фей всё сводилось к одному: сидишь, охраняешь лес, наводишь морок, идёшь к деревьям, лежишь и видишь тёмные хвойные сны...

...К тому времени, как солнце опустилось вниз и вокруг начало темнеть – а воздух стал ещё приятнее, мягкая прохлада обволокла её тело, и чужаки начали расходиться по своим домам, – фея уже совсем привыкла к своим новым конечностям. Почти привыкла к мыслям. Гуляла по белому полю, махала маленьким чужакам рукой и старательно избегала озёр – не хотела, боялась смотреть на себя. Хотя всё больше она чувствовала, что, кажется, похожа на тех светлых и весёлых маленьких чужаков, что окружали её, куда бы она ни пошла.

С темнотой пришёл и густой воздух. Не сразу, но он настиг её, когда она, прищурившись, увидела вдалеке родной лес.

– Посмотрела, как живут твои враги?

– Мои враги?.. – рассеянно пробормотала фея, не осознав сначала, о ком говорил воздух.

– Ну да. Пожила их жизнью?

– Да... наверное. – Она ещё не знала, как описать это время и этот опыт, и вновь растерянно посмотрела на свои руки. Они тряслись в присутствии густоты.

– Тогда я возвращаю тебя обратно.

И не успела она возразить, как густая масса проникла в неё и унесла прочь от земель людей – обратно в тёмный лес, защищать и наводить белый морок.

...Оказавшись в лесу, фея издала глубокий крик разочарования: она вернулась к своему телу и на своё место, куда приходила постоянно, годами и десятилетиями.

– Тебе не понравилось? – спросил воздух, сгущаясь то спереди, то сзади неё.

– Мне... мне больше понравилось в мире чужаков, – пробормотала фея своим настоящим голосом: хриплым, медленным и тягучим. – Я не знала, что они... такие.

– Ты ничего о них не знала. Но теперь я открыл тебе глаза. Ты не сможешь вернуться, но будешь знать, каков мир за пределами леса – на самом деле.

И густота исчезла, прежде чем фея успела бы что-то сказать. С этим разговором пропала и её прежняя способность мыслить, которую она едва-едва обрела в мире людей.

И больше густота никогда не появлялась, хотя фея, скрюченная, покрытая слизью фигурка, сидела меж деревьев и ждала, вглядываясь в плотный туман. За этим туманом было что-то, что она уже успела позабыть, но смутные ощущения подсказывали, что там ей было хорошо. Несмотря на своё вековое предназначение, на необходимость в защите леса.

Фею и сейчас можно увидеть на самом его краю: она пытается, но никогда не сможет пересечь его границу и оказаться в человеческих землях.

Ромашка

Лина ушла неделю назад, и с тех пор Джей было так страшно и больно, что она не могла спать.

Постоянная мысль: тебе надо защищать, тебе надо защищать, ты должна держаться и быть сильной. Не ради себя – ради отца. Ради единственного человека, который в неё поверил.

Джей искренне пыталась всё вспомнить, но жара сверлила тело, свет сушил глаза, и каждый день пропитался тошнотой и пеплом. Думать было невозможно, жить – невыносимо. Она отдала бы свой последний запас ромашки, чтобы хоть минуту в этом проклятом месте было ветрено.

Мысль протянулась из входной комнаты до просторной мастерской отца, окрасилась в белый и запахла бледными засушенными цветами. Когда-то в детстве ромашковые отвары помогали ей заснуть: она всегда была слишком возбуждённой и нервничала попусту. Со сном не заладилось, и отец приучил её готовить себе насыщенные приятные отвары – тёплые и уютные, как домашний вечер с треском огня и шумом цикад.

Теперь, конечно, ничего тёплого и в помине не хотелось. Джей готова была грызть эту ромашку, если бы это помогало успокоиться.

Воспоминания о ромашке повели её вверх по деревянной лестнице, к «совершенно серьёзным рабочим этажам», как называл их отец, и к коридору, ведущему в три комнаты. Мастерская отца и две кладовых: в одной хозяйничала бабушка, в другой – мама.

Джей сама не заметила, как дошла до мастерской и ударилась головой о дверь. Упс. Глухой стук и моментальная боль затмили и без того тусклые воспоминания. Мир изменился, и она вновь переместилась из большого уютного дома в пустую пыльную развалину с раскалённым пепельным воздухом.

Мама бы посмеялась, увидев эту картину. Никто из Крейнов бы не догадался, что именно Джей останется в доме до победного конца.

...Хотя бы ночь была терпимой. Ближе к ночи Джей полноценно выходила на улицу и осматривала дома соседей. Однажды рискнула подойти поближе к лесу, но слабость сдавила её конечности, и она вынуждена была отступить. А если дул ветер, она могла замереть и не двигаться, пока не пройдёт это блаженство.

Теперь же она ждала наступления темноты как единственное облегчение в своей жизни. Ей даже снилась ночная прохлада с цикадами, прям как в детстве, и её высунувшееся в окно лицо, глотающее ветер и свежесть Белой Земли.

Но сейчас она глотала разве что пыль и пепел.

Когда Лина уехала, Джей решила провести твёрдую грань между прошлым и настоящим. Прошлому здесь было не место. Она осталась одна в Белой Земле, и деревня принадлежала ей. Днём – держать оборону в доме. Вечером – совершать обход деревни. Ночью – залезть в кровать и пытаться уснуть. Обязательно перед окном, чтобы лучи утреннего солнца разбудили её и она вновь могла держать оборону...

Солнце ушло.

Джей вздохнула, осматривая уже заметно потемневшую мастерскую, встала и вышла в коридор. Чуть не споткнулась о гору книг. Вздохнула ещё раз. Это были потрёпанные и кое-где даже порванные книги Лины: в последние дни она сжимала их так, что ранила себе пальцы, и выставляла их перед собой всякий раз, когда в комнату заходила Джей.

Всё здесь напоминало о семье, которая давно уехала.

Так, не отвлекаться. Обход. Теперь некому обходить дома Белой Земли, кроме неё: но кто же ещё позаботится о родной деревне?

Она слабо помнила, когда случилась засуха и сколько она уже длилась – казалось, что целую жизнь. Но что-то внутри неё вопило и кричало, что это была не засуха. Это были они. Призраки. Демоны. Враждебные лесные сущности. Она не знала, как их называть, но была уверена в их вине так же, как уверена была в своей невозможности стать высшей целительницей.

Джей долго не решалась дать им название, но в конце концов решила называть гостями. И именно они были виноваты в разрушении деревни. И, если быть точным, разрушении семьи Крейнов. Они приходили, когда вставало солнце и начиналась жара.

От одного этого слова Джей становилось плохо, и ей приходилось держаться за стены и двери, чтобы не упасть. Упав, она могла сломать себе ногу. Или обе ноги. А если она не сможет ходить, то кто же тогда будет проводить обход и защищать деревню?

«Доченька, пожалуйста, будь сильной».

Джей собралась с силами, вышла из дома и сделала первый шаг навстречу своей улице. Дом Крейнов располагался на краю деревни, ближе всего к лесу, и от него вела узенькая тропинка прямо к остальным домам. Тропинка теперь вся потрескалась, но Джей видела землю – и воскрешала в памяти протоптанную Крейнками дорожку, окружённую влажной зелёной травой.

В своё время она оббегала всю Белую Землю и её тропинки. Теперь сил хватало лишь на медленный обход.

Дальше по плану было осмотреть участок Блэквеллов. С садом, где все цветы давно уже сгнили и растворились в земле. А раньше у них цвела такая красивая сирень – они с Линой ещё с детства говорили «фиолетовый дом», а пару раз даже попробовали эту сирень на вкус. Мать Джей однажды спасла глаза их дочери после неудачной игры, и с тех пор тётя Блэквелл угощала сестёр вкусными пирогами.

Пироги были мясными, иногда яблочными. Они бы никогда не сравнились с выпечкой семьи Дантон, но для Джей их вкус состоял не из начинки, а из улыбок и смеха тёти Блэквелл, из её мягкого «Кушай, кушай, деточка. Хочешь ещё?».

А вот и он. Первый дом на её пути. Хозяева плотно заколотили его, но Джей и не нужно было заходить внутрь.

Блэквеллы уехали в числе первых, и земля на их участке была покрыта трещинами. Из них выходило отчаяние и пыль.

Джей, прищурившись, осмотрела участок и дом. Казалось, ещё немного, и он либо засияет и заживёт прежней жизнью, либо развалится и превратится в гору деревянных обломков. Хотелось бы верить, что случится первое.

Убедившись, что всё в порядке, Джей прошла дальше и оказалась перед домом Хоуков – там жила подруга Лины, – но тут она заметила движение. Еле видимое в начинавшейся темноте. Какая-то тень у маленького дома шелохнулась и скрылась за стеной. Тень, похожая на человеческую, но Джей-то знала, что гости – не люди.

Она вцепилась взглядом в дом – двухэтажный, с покосившейся крышей, заколоченный везде, хотя все знали, что у Хоуков и красть-то нечего, – но тень ушла.

Джей глубоко вздохнула. Они снова здесь.

Она закрыла глаза, считая до десяти, пытаясь дышать ровно и размеренно. Гости ни разу её не трогали – да, они крушили всё, они навели проклятье на её деревню, но ни разу к ней не приблизились.

Не приблизятся и сейчас. Не посмеют.

Джей нехотя открыла глаза, мучительно озираясь по сторонам, осматривая территорию. Вокруг было пусто.

Возможно, они ушли в дом Хоуков.

Джей повернула вправо и быстро подошла к низкому покосившемуся забору. Глубоко вдохнув, одним прыжком пересекла его – сморщилась от боли в руке, закричала, когда зацепилась платьем за гвоздь, и с разорванной юбкой приземлилась на землю.

Чёртовы гости!

Ныло бедро, острой болью пульсировала рука. Но она смогла перепрыгнуть.

Заставляя себя дышать, Джей проковыляла к дому Хоуков. Обошла его вокруг него – и вновь поймала шевеление, тень. Как будто чёртов гость бегал от неё по кругу.

– Выходи... выходи... ты... – шептала она больше себе, чем гостю.

По лбу и по спине струился пот. Солнце нещадно пекло в голову.

Джей вдруг почувствовала, как перед глазами всё меркнет, покрывается пульсирующими чёрными пятнами, и... засмеялась.

Гость не выйдет. Тени исчезли. Всё, что осталось, – она и её жалкие попытки спасти деревню от тех, что гораздо сильнее.

Джей захохотала, держась за живот. Потом заплакала. А потом в голове не осталось ни единой мысли, и она упала, думая, что это и есть смерть.

* * *

Джей захлопнула дверь дома и упала коленями на пол, вскрикнув от боли. Опять шрамы и ссадины. Она села и обхватила руками ноги, покачиваясь из стороны в сторону.

Что же теперь будет?

Гости никогда не приходили вечером. Только днём. Но днём она пряталась дома и могла держать оборону – в конце концов, она ожидала опасности, и ничто не могло её удивить.

Ну а что теперь? Теперь гости изменили правила игры. И ей тоже придётся играть по-новому.

Одна лишь мысль звенела в голове: что могло преследовать её в деревне, откуда все уехали? В заброшенном месте, умирающем от засухи. Рядом – только лес.

Что и зачем пришло в Белую Землю – вопрос, который она должна была решить. Ей *нужно* было победить гостей. Или они победят её, Джей, последнего жителя деревни.

И тут же голова взорвалась болью. Джей застонала, держась за лоб. Чем больше она думала о гостях, тем хуже ей становилось. Ещё немного, и она сдастся и начнёт крушить всё вокруг, пока не умрёт под обломками своего дома.

Джей встала, потянувшись, и побрела на третий этаж – зная, помня, что дома она в безопасности. Что бы ни случилось снаружи, домой гости не зайдут: это крепость Крейнов, которую охраняют цветы и травы – сила их великой семьи.

Едва она ступила на первую лестницу, как споткнулась о гору книг. Непутёвая Лина, сколько можно...

Выругавшись, Джей пнула ногой книги, и они разлетелись по полу. Поднялось серебристое облако пыли – поднялось, а потом медленно осело вниз, пока она, не зная, на чём остановить взгляд, смотрела на названия книг: «Сезонные особенности сбора полевых цветов», «Ботаника для детей», «Лесные истории».

«Лесные истории».

Что?

Джей неловко опустилась на колени, которые тут же начали саднить – чёрт! – и забрала маленькую книгу с зелёной обложкой, размером с её ладонь. Надпись была вычурной, красного цвета; можно было подумать, что кто-то поместил её на обложку не глядя, просто так. Буквы наклонены, с завитушками.

Эти буквенные узоры больно отозвались внутри. Мир вспыхнул образами из детства: мастерская отца, шум цикад и долгие разговоры за чаем. Джей вытянула из памяти отцовское «совершенно» – и слёзы в его глазах.

Она уже читала эту книгу. Когда-то очень давно.

Джей прижала книгу к себе и поднялась на третий этаж, в свою комнату. Хотя теперь все комнаты принадлежали ей. Маленькая плата за то, что она осталась охранять деревню.

Хлопок двери, ручка, замок. Решётка на окне. Мягкая кровать и пыльные шкафчики.

С громким вздохом Джей легла на кровать. Та издала противный скрип и замолкла. И всё в комнате смолкло и погрузилось в вечерние сумерки.

Только не было цикад и никого живого.

Кроме гостей.

... «Лесные истории» оказались испещрены заметками, но почерк был ей незнаком. Книга лежала в общей куче на лестнице – значит, её бросила туда Лина в один из своих последних дней в Белой Земле. Но что Лине, послушной девочке, нужно было в книге про лес?

В одной из страниц Джей нашла засушенную герань. Любимый цветок мамы. Эта мысль показалась ей хуже самой страшной засухи, и она быстро перевернула страницу, упёршись глазами в заголовок: «Как фея стала человеком». Рядом с заголовком была маленькая надпись: «Показать Джей».

Она вновь вспомнила отца, и ей тут же захотелось, чтобы это он подарил ей книгу и позволил узнать о лесе больше.

«Лес, милая, всегда враждебен. Там относятся к чужакам как к злейшим врагам, даже если они всего лишь хотели помочь».

Голос отца в голове прозвучал громче, чем её собственные мысли.

Буквы не складывались в предложения, расплывались по бумаге, и она со вздохом захлопнула книгу. Хотела бросить, но аккуратно положила рядом с собой. Бросить книгу значило бы оскорбить Лину, для которой они были всем – особенно в последние дни.

Где-то за неделю до своего ухода Лина держалась за книги так, что у неё кровоточили пальцы. Джей уже устала обрабатывать её раны и скрипела зубами, вздыхала, пыталась её отчитывать – но сестра продолжала себе вредить.

Картина, всякий раз всплывавшая яркими красками: открывается дверь, вскрикивает Лина, и держится за книгу, и протягивает к ней, как щит, и потом громкое «Это я, Джей, можешь не бояться», и Лина тихонько вздыхает, убирает книгу с неохотой. Дрожит всем телом, но успокаивается. Джей подходит к ней медленно, осторожно – и, наконец, обнимает.

«Мы обязательно переживём это, Лина, всё будет хорошо, отец вернётся, ты только держись, пожалуйста».

А она взяла и сдалась. Прямо как мать.

Джей откинула голову на кровати, разглядывая потолок. Краска на нём начинала крошиться – ещё со времён безумия матери никто не занимался ремонтом. Джей бы занялась, если бы знала как.

Лину впору было ненавидеть: теперь, когда она ушла, гости осмелели. Видно, почувствовали, что в деревне осталась одна только девушка и им можно было творить всё.

Не на ту напали.

Джей усмехнулась, чувствуя, как к ней подступают силы. Тело налилось энергией, дыхание выровнялось, ноги захотели идти. Она ещё докажет каждому гостю в Белой Земле, что Джей Крейн – вовсе не Лина, и будет держать оборону до последнего своего вдоха.

В конце концов, это единственное, что у неё оставалось. Эта деревня и её свобода.

От одной этой мысли проходили тошнота и пустота, прежде наполнявшие её тело. Либо она покажет гостям, кто главный в этой деревне, либо они съедят её и весь её дом, и от семьи Крейн не останется даже воспоминаний.

В конце концов, что скажет отец, когда вернётся и увидит разруху или, быть может, пустоту на месте родной деревни?

Нет, она должна сохранить её для лучших времён.

С твёрдой решимостью Джей встала с кровати, захватив «Лесные истории», и пошла к двери.

...Спустя два часа уборки всего, что она только могла убрать, Джей сидела на ступеньках под вторым этажом и жевала хлебец. Дом чист, идеально чист. Осталось выставить оборону из защитных трав на улице – и план на ночь, считай, был бы выполнен.

До рассвета оставалось несколько часов. Джей, немного подумав, взялась за книгу, лежавшую рядом на лестнице, и окунулась в мир хвои, зелени и фей.

Лесные истории. Древо Жизни

В лесу стояло дерево. Местные называли его Древом Жизни, хотя это не совсем точное название. Оно не давало им жизнь – оно просто стояло и росло ввысь, и росло так уже столетия, отчего местные сочли его святыней.

Дерево произрастало из низших миров, заглянув в которые хоть на секунду, любой бы впал в ужас и бессилие. Из тех миров, которые были здесь до нас и будут после нас – глубоко в земле, разгораясь священным костром боли, они вытолкали в землю одно-единственное дерево, вокруг которого местные построили целую жизнь.

Феи и лесной народец танцевали вокруг него, считая его своим богом. Вернее, феи-то не считали ничего – они просто вторили народцу, покачиваясь на своих дрожащих крыльях.

На один из таких танцев пришёл лесной обитатель – в сущности, совсем неухоженный, неприятного вида мужчина, к которому в жизни бы не прислушались... если бы он просто что-то сказал. Но он стоял и смотрел на танцы, и прожигал взглядом дерево, каждый его листочек, – пока, наконец, не додумался вернуться домой, взять в руки лопату и подойти прямо к Древу Жизни.

Если б не танцы – его, может, и остановили бы, и поймали, и даже наказали за такое кощунство. Но народец, увлечённый своими занятиями, ничего не заметил. Ведь все пели и танцевали, смеялись, жгли костры, в которых одна маленькая фигурка с лопатой почти полностью растворилась.

И мужчина – будем называть его Неверный – стал копать.

Постепенно его заметили – но слишком поздно.

Никто прежде не осмеливался копать под Древо Жизни – да никому бы даже в голову такое не пришло! Но Неверный, в своей неухоженности, в своей жалкости и безумии, вдруг решил, что он достоин одного-единственного в своей жизни: достоин знать тайну великого Древа. Откуда оно пришло, из каких миров произрастает? И когда остальные заметили его, он прокопал уже довольно глубоко, и никто не осмелился его остановить.

Лесные обитатели постепенно выстроились в несколько кругов вокруг Неверного – и молчали, наблюдали, одновременно боясь и желая узнать запретную тайну вместе с ним.

Земля была удивительно мягкой и сама поддавалась Неверному, и совсем скоро он докопал до Жарких Земель – не ведая ни усталости, ни страха. Мгновение – и перед ним разверзлась огненная пропасть, в которую он тут же упал, не успев даже вскрикнуть.

Костры лесных обитателей потухли. Лес погрузился в тяжёлую тьму. Воздух стал таким густым и влажным, что все закашлялись, упали на землю, схватились за грудь – каждый пытался втянуть ноздрями как можно больше воздуха, и каждый в конечном счёте валился на спину, пытаясь не двигаться, дышать тихо-тихо, не расходуя драгоценные силы. Зная, что сон означает смерть.

Воздух сгущался.

Жаркие Земли, открытые Неверным, постепенно закрылись, и огромные комья земли падали в пропасть, ведомые невидимой рукой.

Чего обитатели леса не знали – так это того, что густой воздух населили духи Жарких Земель, которые пробрались к их домам и подожгли их. И только когда густота развеялась лёгким летним ветром, а пропасть окончательно закрылась землёй – лесной народец увидел, как горят их дома в наказание.

И с тех пор никто не пытался стать равным дереву-божеству, и все приняли, что они – лишь маленький народец, которому не суждено стать ничем большим.

Мускат

За два года до

Обычно Джей работала.

Бегала с третьего этажа на первый и обратно, долго и бессмысленно хлопотала над травами, ругалась себе под нос. Весь мир, казалось, был окутан тяжёлой вязкой скукой. Ей запрещали выходить из дома по вечерам, да ещё и целыми днями заставляли заниматься.

Но иногда отец её контролировал, иногда – нет.

Сегодня он был занят, и Джей шаталась без дела по комнатам и коридорам, пытаясь найти себе занятие. Все её родные были с головы до пят скучными людьми.

Она подавила в себе росток злости – да, ей запрещали выходить после наступления темноты, запрещали дружить с большинством детей, всё время пытались чем-нибудь занять. Ну и пусть. Она дожётся взросления и непременно устроит свою жизнь так, как захочет.

Ноги сами привели её к комнате Лины, откуда доносился душный запах благовоний. Она опять жгла палочки.

Джей глубоко вздохнула, подумав, что так и до пожара недалеко.

– Лина, ты что?! – крикнула Джей нарочито строго и громко и ворвалась в комнату.

Сестра, как обычно недовольная, громко фыркнула и отвернулась к маленькому круглому столу над окном. Яркое солнце освещало серые струйки дыма.

– Ну что ж такое, – прошептала Лина, но Джей её услышала. Скривилась и подбежала тушить палочки. – А ну стой! – Хлопок по руке, боль, скрип стула и округлённые глаза сестры. – Это очень важные благовония. Очень! Важные!

Лина быстро потушила ароматные палочки и сложила их в коробку не глядя. Взглядом она продолжала сверлить Джей, которая справедливо решила убрать руки и не мешать.

Джей не нужно было изучать палочки сестры, чтобы услышать аромат розы и муската. Лина давно уже повзрослела и пыталась травами усилить свою привлекательность. Получалось ли это у неё? Ещё как. Взрослые парни и взгляда от неё оторвать не могли.

Наконец Лина целиком к ней повернулась. Нервно схватила пальцами прядь золотистых волос и вызывающе посмотрела на сестру. Она это любила – выдумать какой-нибудь особенный взгляд, особенное выражение лица, даже если под ним легко читался страх.

– Зачем? Вот зачем? – наконец спросила Лина.

– Ты же так до пожара довести можешь...

– Неужели ты думаешь, что я такая дура? Я подготовилась.

– Ага. Зачем тебе вообще благовония в такую жару? Умереть же можно только от духоты, которую ты тут развела! – Джей улыбнулась, понимая, в какое неловкое положение ставит сестру. Та бы в жизни ей не призналась, какие зажигала благовония.

Лина издала глубокий вздох и закатила глаза. Она была чуть выше Джей и старше на несколько лет, поэтому ей приходилось наклонять голову, и всё это выглядело, будто она не просто старше, но ещё и опытнее и умнее. Пусть оно действительно так и было. Неважно. Это никогда не давало ей повода быть выскочкой!

– Потому что они мне нужны. Какая тебе разница? Всё безопасно, я подготовилась, а остальное тебя интересовать не должно. Тебе же даже не нравится нас слушать, когда мы говорим о благовониях.

– Кто мы?

Лина вдруг переменялась в лице, поправила волосы и села обратно на стул. За столом были разбросаны травы и несколько больших розовых цветков – их название Джей никак не могла вспомнить.

В солнечном свете мелькали пылинки.

Джей, конечно же, знала, кто такие «мы». Знала – и всё равно внутренне сжалась в ожидании ответа. Она вдруг ощутила себя маленькой, слабой и неуклюжей в сравнении с сестрой. Эти сравнения ей никогда не нравились.

Лине было шестнадцать. Она умела делать ароматные отвары, постоянно ходила к Дантонам, и вместе они создавали вкуснейшие пироги – с травами Лины и семейными рецептами соседей. За их пирогами и настойками стояли целые очереди.

Лина уже общалась с парнями, много работала с отцом, и ей разрешалось выходить из дома после темноты.

Джей сглотнула, умоляя себя не заплакать прямо здесь.

Опять поправляя волосы (какой в этом был смысл – волосы у неё всегда были в идеальном порядке!), Лина чуть улыбнулась – неловко, будто даже содрогаясь в лице, – и ответила:

– Мы – это мы с родителями.

– И с мамой тоже?

Они очень редко говорили о маме. Лине как будто было всё равно, а для Джей само слово «мама» казалось таким личным, о чём она никогда бы не поговорила с сестрой. Словно само присутствие сестры нарушило бы всю связь с матерью. Вернее, то, что от этой связи ещё оставалось.

Джей улыбнулась через силу, пока Лина, тяжело вздыхая, ёрзала на кресле.

– Да, с мамой тоже.

В груди больно закололо, и Джей оглянулась на комнату, ища, где бы присесть. Но в комнате Лины царил творческий беспорядок, что выглядело странно: обычно она так тщательно убиралась, что даже бабушка придраться не могла.

Но теперь везде валялись книги, одежда, пакетики с травами, даже еда. Она работала над чем-то несколько дней без перерыва – и, вероятно, работала вместе с родителями *и мамой*, что держала в секрете от сестры.

Ну конечно.

Солнце постепенно садилось, и теперь стены окрасились в светло-золотой. Джей провела рукой по воздуху, наблюдая, как окрашивается на свету её собственная кожа. Тепло становилось приятным, обволакивало тело.

Она вздохнула и села на пол, обхватив руками ноги. Упёрлась носом в колени. Смотрела исподлобья на Лину, ожидая, что она скажет. Будет ли пестрить подробностями об их с мамой работе? Или прогонит её из комнаты? Что?

– Ты по ней скучаешь? – Вот и всё, что она спросила.

Джей могла бы всё высказать Лине – от детской обиды на то, что родители любили её больше, и до просьбы обучить её всему-всему, что она умеет, чтобы тоже быть продвинутой травницей и работать вместе с мамой. Но слова таяли в густой жаре летнего воздуха.

Потрёпанные и явно не раз прочитанные книги с зелёными, синими, красными обложками теперь тоже окрасились в золотой. Пол выглядел как никогда пыльным в этом свете.

Джей провела руками по своим ногам, покрытым мурашками.

– Нет, конечно... С чего ты взяла?

Лина издала длинный глубокий вздох. Эти её вздохи всегда встревали посреди разговора, нарушали неловкое молчание и могли значить всё что угодно. Теперь это, кажется, был вздох сочувствия: Джей почти могла ощутить, как Лине грустно и неловко.

– Я же знаю, что скучаешь. Джей, мне правда жаль, что мама не может проводить с тобой время, как раньше. Ты же знаешь...

– Знаю, знаю. Можешь не рассказывать мне это в тысячный раз.

– Но я расскажу. Наша мать – великая целительница. Ты сама помнишь, что им с папой удавалось сделать. Отвар, который за час исцеляет простуду; мазь, которая заживляет раны чуть ли не мгновенно. Ещё немного, и она сумеет победить смерть, я тебя уверяю! Ты понима-

ешь? Мы сможем быть властны над смертью, продлевать жизнь себе и другим, исцелять людей от ужасных болезней. Сколько жизней мы спасём! У малыша Дейнов болезнь, от которой нет ещё лекарства... Но мама сможет его вылечить. Надо только...

– Да, да. Поработать.

– Да, и ещё. У такой степени владения целительством... у неё есть своя цена. Безумие. Мама не избегает тебя – она просто не хочет тебе навредить... испугать...

«Да чем она может меня испугать, чем не пугали меня уже вы все. Вся эта семья – сплошные безумцы. Едва ли у мамы есть что-то особенное». – Эти предложения вертелись на языке, так и норовили спрыгнуть и повиснуть в воздухе, разобшив сестёр. Но Джей держалась. Помимо всего раздражения, зависти, ревности и ещё миллиона разных чувств, в ней играл тихий восторг по поводу того, что сестра, успевшая порядком от неё отдалиться, вдруг заговорила и даже ей улыбнулась.

– Мы даже не разговариваем.

– Я знаю, Джей. Иди сюда. – Лина опять издала свой классический вздох и протянула к ней руки.

Сёстры встали, и Лина потянула её к себе в объятия. От неё пахло розой, мускатом и чем-то ещё, чем-то резким и чужим. Она касалась её нежно и невесомо, и Джей едва чувствовала на себе её руки. Лицо путалось в золотистых волосах, голова кружилась – то ли из-за резких запахов, то ли оттого, что она, кажется, не смела дышать.

– Я видела, как ты заглядываешься на лес. Что тебе в нём нравится?

На секунду Джей показалось, что все эти объятия и разговоры – всё ради того, чтобы втереться к ней в доверие, а потом рассказать отцу и бабушке обо всех её планах. Но она насильно выдернула эти мысли из головы, словно мешающий волос.

– Свобода, – прошептала она. Именно это слово вертелось у неё в голове, стоило ей вспомнить лес. Оно удивительным образом сочеталось с запахом хвои и танцами фей в воздухе.

– Это в лесу-то? – Тихий смешок, и Лина разжала объятия.

И Джей вновь оказалась в душной комнате, полной чужих вещей и чужого запаха.

Она позвала сестру на кровать, смахнув на пол одежду и аккуратно опустив на пол с десяток книг.

– Ты же сама не была в лесу. – Несмотря на то что не была и Джей, она готовилась защищать лес до последнего. В конце концов, никто из них там не был – и никто не вправе говорить ей, что в лесу нечего делать.

– Не была. Но знаешь что? Я знаю о нём достаточно.

– Например?

– Всё расскажу, если ты перестанешь стоять передо мной с таким лицом, будто я тебе враг какой-то. Садись рядом, поговорим нормально.

«Говорить нормально» ей не хотелось, но всё-таки Джей села. Скрип кровати – и вот за окном темнеющее небо, рядом шумное дыхание сестры. Впереди на столе – коробки с палочками для благовоний, много коробок, чёрных и тёмно-красных, с какими-то надписями, которые было не отличить. Она постоянно работала, но непонятно над чем.

– Что вы делаете с мамой?

Лина отсела, облокотившись на стену и запрокинув голову.

– Ты можешь изучать потолок хоть часами, но я всё равно жду ответа.

Лина рассмеялась, похлопав её по плечу. Джей подавила порыв уйти, на весь дом хлопнув дверью, и выжидающе уставилась на сестру.

– Мы на пороге великих открытий. Огромных, я бы сказала.

– Мы и так вроде многого добились. – Джей провела рукой по воздуху, как бы напоминая, что они сидели в большом трёхэтажном доме и весь участок – почти всё поле перед лесом, – всё принадлежало им. Да хоть вся Белая Земля.

– Ни в какое сравнение не идёт, поверь. Я же тебе говорила, какие возможности открылись перед мамой. Но... это опасно. Очень. Поэтому, пожалуйста, не говори ничего отцу и бабушке. Считай, этого разговора не было. Наш секрет. Хорошо?

Лина очаровательно улыбнулась ей и подмигнула, и Джей не смогла устоять перед теплотой сестры. Теплота эта всегда появлялась неожиданно, непременно когда ей самой было надо – но всякий раз Джей поддавалась. Пора было уже себе признаться: она безумно скучала по сестре.

Джей кивнула.

– Так вы сможете победить смерть?

– И это тоже, – Лина гордо фыркнула и одним рывком прижала её к себе. – Теперь давай рассказывай, что там у тебя с лесом.

Джей укуталась в запах сестры, в её мягкую кожу и на мгновение забыла, где находилась. Даже жара её больше не мучила – вместо жары пришло тепло Лины, и она могла бы представить, что была всё это время в объятиях матери, которая чудом пришла в себя.

– Мне здесь скучно. Я хочу туда, где свобода. И феи.

– Феи?

Лина засмеялась, но Джей отодвинулась, взглянула на неё серьёзно и с лёгкой обидой – и та сразу замолчала.

– Ну хорошо, феи.

– Они там правда есть!

– С чего ты взяла?

– Папа рассказывал. И в книжках читала.

При словах об отце сестра вздохнула, взяла Джей за руки и, помолчав, сказала:

– Хорошо. Если папа рассказывал, значит, так и есть. Давай тогда по-другому. Чем тебе нравятся феи?

Джей сжала её руки сильнее, как будто от этого зависело, поверит ей сестра или нет.

– Феи свободные. Они летают...

– Но ведь летают они только в лесу?

– Ну да. Но... – Джей ухватила слабую-слабую мысль, тёплое чувство, которое тут же зародилось у неё внутри, и попыталась её развить: – Они в лесу, но не потому что кто-то приказал им там оставаться. Они его защитницы. Без них в лесу будет хаос... Они нужны, по-настоящему нужны там.

– Ну допустим, – улыбнулась Лина. – Ты чувствуешь себя ненужной здесь?

Джей выхватила у неё руки, так смутившись от этого вопроса, что едва не встала и не вышла за дверь. Что это вообще за разговоры? Лина то ли ткнула пальцем в небо, пытаясь её задеть, то ли видела её лучше, чем кто-либо другой в этом доме.

Включая, кажется, и её саму.

– Да не в этом дело...

– А мне кажется, что в этом! – игриво ответила Лина, усаживаясь на кровати в позе лотоса и продолжая неизменно улыбаться.

Хотелось стереть с её лица эту улыбку, разбросать всё по комнате и убежать, хлопнув дверью так, чтобы картины попадали со стен.

– Тебе не хочется быть с нами. Ты мечтаешь превратиться в фею и навечно закопаться в лесу, где, как тебе кажется, ты была бы полезна. И я не могу тебя в этом винить.

– А по-моему, ты только и делаешь, что винишь меня.

– Да что ты? – рассмеялась Лина, пытаясь погладить Джей по плечу, но та увернулась. Даже мысль о прикосновении сестры была сейчас невыносимой, словно руки её могли обжигать. – Сдалась ты мне, ну правда! Прекрати дуться и посмотри вокруг. Мы все тебя любим и бережём. Мы уважаем то, что ты не хочешь стать полноценной целительницей. Даём тебе

всё, что нужно для жизни... Только просим не ходить в лес. И не потому что мы такие вредные и злые, а потому что это навредит в первую очередь – тебе. Но ты не хочешь об этом думать: тебе проще считать нас всех врагами и мечтать стать феей. Но знаешь что? Феей ты никогда не станешь, потому что родилась человеком.

– Захочу – уйду в лес хоть прямо сейчас, и кто меня остановит? Убьёте меня? Силой утащите? Запрёте в комнате? Я же всё равно найду способ уйти, если захочу.

– И что ты будешь в лесу делать?

– Жить.

– Чем питаться?

– Придумаю.

– А когда станет страшно, куда побежишь?

– А с чего ты взяла, что мне станет страшно?

Лина смолкла, глядя на Джей непонимающими, округлёнными глазами. Она, наверное, и представить себе не могла, что сестра у неё бесстрашная. Ну а почему бы и нет! Она ведь говорила правду. Кто её остановит, если она *действительно* захочет навсегда убежать в лес?

И почему Лина твердила, что о ней все заботятся... Кто все? Мать, которая месяцами не вылезает из своей мастерской, или бабушка, которая изо дня в день её отчитывает? Или сестра, которая попросту про неё забыла?

Как всё это противно и глупо.

– Ладно, Джей. Поступай как знаешь. Если, конечно, ты не боишься гликов...

Лина потянулась, встала с кровати и вернулась к своему столу с разбросанными травами. Словно ничего и не было.

Словно она только что не приоткрыла тайну о том, *что на самом деле было в лесу.*

– А ну стой, – прошептала Джей и подскочила к ней в два мгновения.

Лина уже села за стол и, напевая какую-то песенку, принялась копать в травах. Издевалась!

– Расскажи, что за глики?

– Ты правда хочешь?

Джей стояла прямо над ней, но сестра даже не вздрогнула, не обернулась на неё.

– Да. – Захотелось хорошенько её потрясти.

Молчание.

– Ну Лина!

– Ладно, ладно.

Она отложила травы и повернулась на стуле к сестре. Джей села на пол, сжимая кулаки, пытаясь не наругать Лине, чтобы та вообще не отказалась ей что-либо рассказывать.

Было трудно.

– Рассказывал тут мне один парень... что глики – это карлики, обитающие в лесу. Полулюди с красными глазами. Они нападают на нас, как только видят. Половина Белой Земли от этого погибла ещё двести лет назад. Всё закончилось, когда мы дали им бой и договорились, что они не ступят на нашу землю, а мы – на их. Представляешь, что случится, если ты нарушишь это правило?

Джей замерла.

– Из-за тебя в смертельную опасность попадёт вся Белая Земля. И не факт, что в этот раз мы сможем дать гликам отпор. Представляешь, из-за тебя может погибнуть вся деревня.

– Ты... Ты что говоришь? – пролепетала Джей.

Они смотрели друг на друга бесконечно долгие полминуты. Наконец Лина прыснула, откинулась на стуле и в голос засмеялась.

Что-то внутри Джей вздрогнуло и оборвалось. Ничего не говоря, она развернулась и вышла из комнаты под громкое «Ну стой, ну ты чего!».

Чего-чего...

* * *

У Джей было одно тайное умение. Она умела, закрыв глаза, быстро-быстро перенести своё сознание в воздух. Она парила над Белой Землёй с закрытыми глазами, перемещалась в города, свободно несла своё тело над всеми домами и деревьями.

Только так она могла хоть ненадолго почувствовать свободу.

В её теле было много сил – но она всё не могла их выпустить наружу. В сердце было много надежд и мечтаний – и все они разрушались об оковы слов.

И только закрыв глаза, она могла всё исправить.

И верила – не обращая эту веру в слова и теряя её, открывая глаза и видя перед собой всё тот же дом и те же стены, – что однажды у неё получится всё сделать по-настоящему. Взлететь и отправиться далеко-далеко, куда только захочет.

Всю жизнь, сколько себя помнила, она хотела сбежать в мир, где нет белых полей, трав и надоедливой бабушки. Всю жизнь она хотела делать что-то яркое, стремительное: танцевать, смеяться, увидеть всё-всё-всё, что есть в этом мире. Всю жизнь она боролась, одержимая этой мыслью.

Но стоило ей в таком мире оказаться – как всё, о чём она могла думать, это «о нет, нет, нет, нет».

Нет. И ещё раз нет.

Она стояла в поле перед лесом.

Белые растения кое-где доходили ей до колен и неприятно щекотали ноги. Ветер развеивал волосы, которые лезли ей в рот и в глаза. Но и этого она не замечала: взгляд её безостановочно двигался по лесным силуэтам – от одного дерева до другого, и так без конца.

Лес ещё был далеко и во многом сливался в одну нескончаемую тёмную пелену. Эта пелена шелестела и завлекала её, будто бы постепенно приближаясь.

Растения двигались всё чаще. Кожа на ногах начинала болеть, словно они испускали яд. Быть может, они просто её останавливали?

Всё. Нет. Это глупые страхи, спасибо Лине за её богатую фантазию.

При одном воспоминании о сестре всё внутри сжималось, и мысли от зловещих лесных очертаний переходили к картинам мести. Вернуться и испортить все её отвары?

«Ну да, тебе, чтобы испортить отвар, нужно просто подышать на него».

Джей вздрогнула. Заряд боли прокатился по её телу, и она едва не вскрикнула – закрыла руками рот и часто задышала, и лес превратился в размытые очертания перед её глазами.

Это был не её голос. Не её мысли.

Мысли леса? Феи? Глика?

«Даже глик не стал бы разговаривать с тобой».

– Ой! – всё-таки вскрикнула Джей, ощупывая свою голову, шею, лицо.

Всё было на месте. И что-то было не так.

Она по-прежнему была в поле. Лес по-прежнему расплывался перед ней. Ветер по-прежнему ласкал её тело, покрытое мурашками от страха.

Голос был её и не её. Человеческим и...

«Можешь не беспокоиться. Я не фея. Я лишь часть тебя. Та, которая понимает правду».

Джей сжала кулаки, и к боли в ногах присоединилась боль в ладонях – яркая, пронизывающая, быстро вернувшая её мысли на место.

Ещё полчаса пути, и она дойдёт до леса. Пробежится внутрь, походит там, пусть даже несколько минут, и убедится, что ничего такого в лесу нет. А потом убедит в этом всех вокруг. И всё. Голос может говорить что хочет.

Джей не хотела себе в этом признаваться и спрятала новое чувство подальше от себя – но ей даже было радостно, что на этом пути она не одна. Что бы ни поселилось в её голове, оно переживёт все приключения вместе с ней.

Нравится это ему или нет.

Джей слышала, как шелестели деревья в получасе ходьбы. Их шум только усиливался с каждой минутой. Он вышел из леса, прошёл через поле и проник в её голову, чтобы шелестеть беспрестанно, сводя её с ума.

Может, в этом и заключалась вся знаменитая опасность леса.

В худшем случае она просто станет как мама – такой же полоумной. Вернётся в свою комнату, завернётся в одеяло и не будет выходить из неё до последнего.

«Ты никогда не станешь как мать. Ни в плохом, ни в хорошем смысле».

Отец говорил, что Джей всё может! И целительницей стать, и продолжить дело семьи, и все будут ею гордиться. Стоит ей только... захотеть.

«А ты хочешь?»

На это у Джей не было ответа. Она хотела дойти уже до леса и увидеть всё, что там происходит, своими глазами.

Сжав кулаки, она шагнула вперёд. И ещё раз, и ещё. Невзирая на боль в руках и ногах, на растения, шелестевшие всё сильнее, на ветер, грозивший сбить её с ног. Она была маленькой, как ребёнок, и злой, как бабушка, – а всё вместе давало ей силы идти. Иногда приходилось останавливаться и закрывать лицо руками, чтобы переждать особо сильный порыв ветра – но снова идти как ни в чём не бывало.

Может, она вообще не из семьи Крейн?

Вспыхнула картинка: она, младенец, лежит и пищит в поле – её подбирает отец и приносит в дом, к новым родственникам. Никто не знает, откуда она – видимо, лесные феи унесли её в Белую Землю, – но люди вырастили её как одну из своих.

И поэтому бабушка была к ней так строга. И поэтому в её жизни случилось всё то, что случилось.

С ней самой, с Джей, всё в полном порядке. Она просто не принадлежала Белой Земле и целителям.

Тогда белые растения шелестели, потому что не хотели отпускать ту, что чудом когда-то им досталась. И родители, и вся семья не желали, чтобы она воссоединилась со своей истинной природой.

От неё скрывали правду.

Но она всё разгадала, всё.

«Или ты так сильно хочешь быть частью чего-то большего, что готова отказаться от своей семьи и своей истории. Ты же знаешь, что ты – человек и никогда не была ни феей, ни лесным ребёнком».

О боже, заткнись!

Джей остановилась. Задышала часто-часто, схватившись за грудь и выплёвывая вязкую слюну. Она сама не заметила, как перешла на бег, но небо потемнело и повеяло таким холодом, что она быстро пришла в себя.

Лес был всё так же далёк, как и десять минут назад. Ничего не менялось, кроме неба.

Она подняла глаза: тучи образовали тёмно-серое полотно, тяжесть которого почти физически ощущалась в воздухе. Скоро полотно это накроет её, и Белую Землю, и весь лес – лишь бы остановить её от побега.

Кто окажется сильнее – небо или она?

И Джей побежала.

А может, она лесной ребёнок, которого оставили в Белой Земле, чтобы она положила конец этой бессмысленной распре? Она могла бы родиться в лесу, но показать необычные способности. Оказаться гением или великой волшебницей. И её оставили в поле, чтобы Крейны подобрали её, обучили семейному целительству... и дали вырасти в человека, который сделает великие дела. Почему бы и нет?

Она могла закончить эту вражду. Или по крайней мере доказать всем, что лес безопасен. И уж никаких гликов в нём точно нет.

– Джей.

Она замерла, едва не рухнув коленями на землю, и посмотрела на мать. На её улыбку, в её глаза, на её волосы, клочьями свисавшие до плеч.

– Мама?

Мать улыбнулась:

– Джей, ну почему ты никогда нас не слушаешь?

Она протянула к ней руки.

И Джей пошла вперёд. Шепча: «Невозможно... невозможно».

Полотно над её головой сгустилось настолько, что казалось, будто наступил вечер. В этих искусственных сумерках светилась только мать, улыбаясь и протягивая к ней дрожащие руки.

– Это правда ты?

Джей столько хотелось бы ей сказать. От того, чтобы волной обрушить на неё все свои обиды, и до короткого «Я по тебе скучала, не уходи больше никогда».

Но слова замкнулись в горле, не давая вдохнуть, стоило фигуре матери раствориться в воздухе.

Воздух был влажным, словно она рассекала туман.

– Ты не можешь...

Но мать – могла.

Джей протянула руки туда, где стояла мама, и нежными движениями погладила воздух. Она почти что чувствовала кожу матери и её запах – давно забытый, но в её воображении он приобрёл нотки лаванды и Melissa.

Что это было?

«Ты настолько сбрендил, что представляешь себе мать, которой ты не нужна. Только потому, что она единственная, кто тебя не ругал и не ожидал ничего. А догадываешься, почему она тебя не ругала?»

Невозможно.

Джей повернулась обратно, к Белой Земле. Дома едва были видны – квадратики, тянущиеся крышами вверх, спокойные, недвижимые.

Она вздохнула и повернулась к лесу. Деревья зашелестели и, казалось, даже раздвинулись для неё – в темноте между ними загорелись два красных глаза.

О нет.

Нет-нет. Нехорошо.

Из мрака вышла сгорбленная чёрная фигура. Прыгнула на месте. Побежала к ней.

Побежала к ней.

Снова воображение?

Глаза, красные глаза, яркие светящиеся глаза, вышедшие прямо из леса. Она ничего больше не видела, кроме этих глаз. Казалось, они так близко, что Джей чувствовала на себе взгляд и тяжёлое дыхание существа.

Стоять на месте. Это всё воображение. Мамы в поле не было, и этих глаз здесь тоже нет. Возможно, лес её испытывает, прежде чем позвать в свои глубины?

Глаза бежали. Приближаясь огромными прыжками, расталкивая землю. Она видела, как под ногами существа разлетались чёрные комья и ошметки белых растений.

Джей пыталась дышать. Пыталась вонзить себе ногти в руки так сильно, чтобы боль затмила страх. Но не выдержала – развернулась и побежала, рывками, почти прыжками, подражая тому существу.

И через несколько секунд, ведомая невидимой силой, подскочила и рухнула пластом на землю, вонзая лицо в белизну растений.

Мир остановился. Заглох и замолчал, и существо, наверное, тоже исчезло, будучи всего лишь плодом разыгравшейся фантазии. Их же не существует, это признала сама Лина.

Болело лицо. Болели глаза. И раздирало болью колени.

– Что тебе нужно? Почему ты не хочешь пускать меня к себе? Я должна быть с тобой! – кричала Джей, смотря в чёрно-белую землю, по которой ползали черви и жуки.

Они её не слышали, как и лес, и продолжали ползать и вести свою жизнь, даже не подозревая, что творилось с ней в эту минуту.

Никто не подозревал.

«Или ты думаешь, что никто не подозревает. Ты же такая уникальная в своих проблемах, да? Бедная-несчастливая».

Заткнись... пожалуйста, заткнись.

Глаза жгло слезами, и жуки расплывались во все стороны.

– Джей... господи, Джей... куда же ты пошла...

Это был голос отца. Джей, не поднимая головы, расслышала в нём нотки гнева и разочарования и мгновенно поняла, что обречена. Она не лесной ребёнок. Она – самый настоящий ребёнок Крейнов, который не мог ни состояться внутри семьи, ни убежать куда подальше.

А эти красные глаза ещё часто будут мелькать в её воображении, и сниться в кошмарах, и мучить.

Ягоды

Пусть весь мир взорвётся и обратится в пепел – но она, Джей Крейн, победит гостей любым доступным способом. Она вооружена травами и лопатой, и у неё есть главное: цель и смысл держаться.

– Только попадитесь мне на глаза, – шептала она, держа в руках горсть засушенной полыни и полевых ягод. – Только попробуйте встать у меня на пути...

Занимался рассвет. Над выжженной землёй возвышался неровный полукруг, слепивший глаза, и Джей с горечью наблюдала, как он вырастает из-за горизонта. Она смотрела и смотрела, пока от боли не пришлось зажмуриться и закрыть руками лицо.

– Ну где же вы, где вы...

Она опять не спала ночью: всё время ушло на уборку дома и улицы, а потом и на чтение книги. Буквы плыли и переплетались, строки ускользали, и наутро она уже ничего не помнила.

Никакого внимания. Все силы – на борьбу с гостями.

– Ох, чёрт.

Джей пришлось опереться о стену дома. Дрожали руки, дрожали веки – и мир задрожал вместе с ними, осыпаясь каменными осколками на её сердце.

Она вдруг заметила в сухой земле что-то чёрное и перенесла на это всё своё внимание. Оно не шевелилось. Джей наклонилась, едва удержавшись на ногах, и увидела иссохший труп червя.

– Тьфу.

Ладно, Джей. Соберись. Ты же не хочешь закончить как Лина – трусливо сбежать, оставив Белую Землю на растерзание гостям? Не хочешь, верно?

– Ну выходите уже! – закричала Джей, и крик её, наверное, могли бы услышать даже в лесу. Если там ещё остался кто-то живой.

Отец мог бы выжить в лесу, если бы хотел? А мог бы превратиться в фею и оставить все беды навсегда?

Действовать надо было решительно. Как учил её отец: десять глубоких вдохов и выдохов, пока не почувствуешь, как ослабевает тревога и крепнет тело. Вот так. Правильно.

Вдыхать сухой воздух было непросто. Интересно, после смерти она станет частью этого сухого, невозможно жаркого воздуха? Наверное, она не хотела бы в нём раствориться – лучше было бы к тому времени уехать из Белой Земли, чтобы не остаться посмертно её частью.

Что за мысли...

Джей сделала первый шаг вперёд. Ноги подкашивались то ли от слабости, то ли от волнения.

Второй шаг. Третий.

Тропинка, дома Блэквеллов и Хоуков – вот так, хорошо, – и уже видна торговая площадь. Здесь даже остались листовки с большими и когда-то красными буквами: «*Ярмарка в Белой Земле! Лучшие отвары от простуды, лихорадки. Свежие продукты*».

Краска стёрлась и превратилась в бледно-розовые пятна, а листовку наполовину погребли под собой каменные осколки. Её едва-едва колыхал ветер: один порыв, второй, и всё, затишье на несколько часов.

Торговая площадь – большой круг с ларьками и вывесками. Теперь почти все ларьки были разрушены и оседали деревянными обломками на землю.

«*Праздничное предложение от семьи Крейн: покупаешь отвар – получаешь в подарок настойку!*»

Ещё одна полусгнившая листовка:

«*Отдаём растения и отвары почти даром!*»

Джей пнула кипу листовок – бело-розовые краски, – торчавших из земли как мухомор. И споткнулась о груды деревянных балок, которыми когда-то был ларёк Полли – лучшее молоко во всей округе.

– Чёрт! – вскрикнула она слишком громко.

Обернулась.

За ней тропинка, три дома и лес – никого. Полусгнившие голые деревья наседали на дома – вот-вот и обрушатся, и тогда их ждёт судьба ларька Полли.

А вот и гости.

Чёрт возьми!

«Джей, доченька, соберись, пожалуйста, мы можем рассчитывать только на тебя, охраняй, жди».

Срочно бежать!

Джей повернулась к домам ремесленников – и побежала так, что голова покрылась потом и волосы прилипли ко лбу. Казалось, солнце проникло в лёгкие и сжигало её изнутри, медленно, но верно, – и она бежала, пока резко не остановилась, едва не рухнув всем телом на стену одного из домов.

У ремесленников были маленькие одинаковые дома, с садами, почти без проёмов, – эта улица всегда казалась ей жуткой. Теперь же она понимала: здесь негде спрятаться. Колея одинаковых строений была ловушкой. Гости нашли бы её слишком быстро.

Хотя стоп!

Джей в панике оглядывала двери и окна, стоя посреди маленькой улочки, соединявшей ряды домов: кто сказал, что надо бежать и прятаться? Вид гостей всегда навевал на неё жуть. Она редко их видела, но всегда чувствовала приближение. И обычно старалась как можно быстрее добраться до своего дома, где они её бы не тронули.

Но теперь – зачем? К чему все эти прятки? Что они ей сделают, хуже, чем сделала с ней жизнь?

Сухой воздух оседал на мокром лице, пропитывая своим запахом влажные сальные волосы, налипшие на лоб, словно остатки жира с обеденной посуды. Кофту можно было выжимать – но она знала, что пот быстро испарится и станет частью Белой Земли.

За домами ремесленников – путь в города. В жизнь. Там, наверное, никто и не знает о проклятии их деревни и гостях, мучивших единственного жителя каждый день.

Их приближение ощущалось как горсть пепла, насильно засунутая в рот. Хотелось отплеваться, вымыть рот с мылом и убежать – но они уже проникли внутрь неё, и даже если она убьёт всех гостей до последнего, это мерзкое ощущение изнутри уже не отмыть.

Оно останется с ней навсегда.

Джей закашлялась. Чем они ближе, тем нестерпимей становилось дыхание. Каждый вдох грозил обмороком. Каждая минута – тепловым ударом.

Сейчас бы исчезнуть и возродиться в детстве. Когда мать ещё не сошла с ума, а Лина не повзрослела и не отдалилась. Открыть окна, невзирая ни на чьи запреты, впустить в свою комнату свежий летний воздух и треск цикад – и танцевать, а потом читать книги, гулять и с интересом и любовью смотреть на далёкие очертания леса. И бесконечно гадать, как же живут лесные феи.

Вместо этого ей приходилось гадать, как скоро придут гости и что она будет делать, когда их увидит.

Шорох. Тихий, едва заметный, но Джей слышала каждое их движение.

Воздух накалился настолько, что она разрешала себе дышать потихоньку и так редко, как это возможно. Всё тело этому сопротивлялось. Вопило и кричало: «Дыши, дыши, дыши, изобрети новый воздух, которым можно дышать без вреда себе».

«Или уезжай уже наконец отсюда, ты видишь, всё пропало, отец не вернётся, не убивай себя здесь».

Гости пришли.

Они стояли сзади, Джей это чувствовала каждой клеточкой своего тела, каждым волосом на голове. Воздух, казалось, шевелился. Она видела, как он мерцает и переливается на свету. Как он темнеет по краям, как горит её лицо.

Сзади неё стояли те, кто виновен в этой засухе и смерти деревни. Единственная жизнь на много километров вперёд. Она и гости.

В заброшенной мёртвой деревне, где никого нет *и никогда не будет*.

Подул ветер, и Джей прикрыла глаза, пытаясь ухватить этот момент и заставить его остаться с ней на всю жизнь. Сглотнула.

Она знала: они смотрели на неё и ждали. Сверлили своими красными глазами её спину, выжидали, когда она даст слабину и побежит, чтобы догнать её в два мгновения и...

И что? Этого Джей не знала.

Возможно, они следили за ней лишь потому, что им было интересно, когда она наконец сдастся и умрёт.

Ещё один порыв ветра. Они могли идти прямо к ней. Побегать или повернуться – и то и другое казалось смертным приговором.

Они ждали.

Джей сжала кулаки так сильно, что ойкнула от боли. Боль отрезвила. Боль казалась правильной – и, сделав два глубоких вдоха и выдоха, она резко повернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.